

Глава 4. Четвёртый тритон

Пресноводный тритон и Океанический дракон впервые встретились лицом к лицу — здесь, в устье Жемчужной реки в Гуандуне, посреди осколков погибшего мира.

Как правило, разница между обитателями пресных и солёных вод непреодолима. Их отношения лучше всего описывает знаменитое стихотворение Рабиндраната Тагора о самой далёкой дистанции в мире.

Самое далёкое расстояние на свете — это вовсе не то, когда мы оба живём в воде и дышим жабрами, но за всю жизнь так и не узнаем, где находится другой.

Самое далёкое расстояние — это когда один из нас заперт в пресной воде, а другой — в океанской бездне, и ты даже не догадываешься, что я всё это время смотрю на тебя.

Кхм, кажется, повествование снова занесло куда-то не туда.

И всё же, если рассуждать здраво, Двенадцать Юаней пока оставался лишь крошечным пресноводным мальком, совершенно не приспособленным к охоте в солёных морских водах.

Как в его крошечную голову пришла мысль притвориться мёртвым, чтобы выманить грозного Прародителя?

Сколько ещё подобных уловок тайлось в этом маленьком разуме?

Напугает ли его до полусмерти зрелище двадцатидевятиметрового исполина, медленно поднимающегося из морских глубин, при том что сам малыш едва насчитывал двенадцать сантиметров в длину? Это оставалось загадкой.

Стоит вспомнить, что в канувшую в лету эпоху людей крупнейшим морским обитателем считался синий кит. Самые огромные особи достигали тридцати трёх метров в длину и весили без малого двести сорок тонн. После вымирания динозавров они оставались величайшими созданиями на планете — как на суше, так и в воде.

Однако киты, как известно, не рыбы. Это млекопитающие, чьи далёкие предки миллионы лет назад решили вернуться в океан, постепенно видоизменившись до неузнаваемости.

Кит — наглядный пример того, что древние гиганты выбирали океан ради выживания и приспособления, и этот случай далеко не единственный. Эволюция для любого живого существа остаётся величайшим уравнением со множеством неизвестных. Она устремлена вперёд, имеет вектор развития, но её конечные пути всегда непредсказуемы.

Простейший пример: после гибели динозавров уцелевшие мелкие виды со временем превратились в птиц. Ярче всего это заметно на примере обыкновенного домашнего гуся. Если заглянуть ему в клюв, можно обнаружить не успевшие окончательно исчезнуть зубчатые выросты, удивительно похожие на зубы хищников мелового периода.

Но кто поручится, что другие ветви ящеров не ушли под воду, эволюционировав в рыб или амфибий? Об этом наука умалчивает. Одно неоспоримо: после первого великого вымирания часть ящеров воспарила в небеса. И если планету постигнет новый катаклизм, птицы уж точно не останутся прежними и не вернутся к облику динозавров. Они непременно переродятся в нечто совершенно иное, невообразимое для нас.

Эволюция похожа на бесконечный марафон, где в спину постоянно дышит смерть, заставляя меняться на ходу. Здесь нет пути назад. Такие редкие отклонения, как атавизм или дегенерация, случаются лишь в условиях тепличного изобилия. Только когда существо сыто и пребывает в абсолютной безопасности, оно может позволить себе расслабиться и утратить инстинкт самосохранения.

Катастрофа же всегда несёт за собой дыхание гибели. Поэтому сейчас, на обломках цивилизации, массовый регресс невозможен. Каждому живому организму приходится буквально ломать собственную природу, приспосабливаясь к суровым реалиям нового мира. Бескрылые учатся летать, сухопутные — плавать. Таковы жестокие правила игры под названием «жизнь».

Так кем же с точки зрения современной биологии был загадочный Прародитель? Нам, приматам, трудно классифицировать его с первого взгляда.

Этот чернохвостый морской исполин обладал торсом, смутно напоминающим мужской, а его сильные, гибкие руки превосходили человеческие по длине почти в полтора раза. Чуть ранее именно этими развитыми, совсем не похожими на плавники конечностями он загребал воду, поднимаясь к поверхности, чтобы сделать вдох. Тонкие длинные пальцы, чьи фаланги были на добрых двадцать сантиметров длиннее человеческих, явно указывали на то, что его лапы развились из передних конечностей древнего млекопитающего.

Способ дыхания — когда из воды первым показывается темя — сближал его с китами, которым тоже необходимо время от времени подниматься на поверхность за глотком воздуха. Он дышал лёгкими, а не жабрами, и не мог оставаться на дне бесконечно, подобно рыбам. Это сразу исключало его принадлежность к кишечнорастворным, гидроидным или иным примитивным морским организмам.

Судя по всему, Прародитель являлся колоссальным амфибиотическим созданием, одинаково легко переносящим пресную воду, солёный океан и сушу. Не змея и не рыба. Вполне вероятно, что они с Двенадцатью Юанями — Розоволосым, прикорнувшим на отмели Жемчужной реки — относились к одному семейству земноводных, пусть и принадлежали к разным подотрядам.

Если посмотреть на это под таким углом, становится понятно, почему суровый Прародитель

сжалился над мальком. Свояк свояка видит издали — две амфибии сошлись у кромки воды. И пускай один был венцом эволюции, а второй — беззащитной крохой, родственные узы между ними, несомненно, существовали.

Как бы то ни было, гораздо важнее то, о чём сейчас думал одуроченный Прародитель. Разозлился ли он на глупую шутку малька? Конечно нет. Будучи невероятно сильным и выносливым хищником, способным выжить в любой среде, Прародитель отличался завидным великодушием и спокойствием. Было бы странно, если бы столь древнее существо вышло из себя из-за шалости Розоволосого. Куда больше его занимало другое: всё ли в порядке с малышом и что этот хитрец выкинет дальше, если вся его «смерть» была лишь представлением.

Он молча разглядывал кроху.

Морской гигант стряхнул с лица капли воды, его мокрые тёмные волосы облепили плечи. Сфокусировав взгляд на отмели, он замер в глубоком изумлении. Поведение выжившего головастика превзошло все ожидания.

Розоволосый малыш с круглой белой мордочкой и пушистыми коралловыми жабрами даже не подумал испугаться. Напротив, уставившись на колосса чёрными бусинками глаз, он забавно прищурился и... беззаботно улыбнулся.

— Ме-а-а~

Прародитель опешил.

Маленький аксолотль сощурился, издав тонкий детский писк. Он заулыбался, а влажные глазки так и светились озорством. Полупрозрачная кожа на круглых щёчках налилась густым персиковым румянцем, делая его невероятно трогательным.

Он завалился на бок, прижимая короткие лапки к круглому брюшку, и весело завертелся на мокром песке, победно помахивая плоским хвостиком. Никакой боли в животе у него, разумеется, не было — малыш просто радовался тому, как ловко разыграл Большого ползуна.

Двенадцать Юаней с самого начала почуял, что в глубине кто-то прячется. Ему просто захотелось выманить великана на сушу, чтобы вместе поиграть. В конце концов, этому розовому аксолотлю едва исполнилось три года — сущий младенец по меркам амфибий. В его чистом сердечке не было места страху или злобе. Малыш лишь хотел сказать: «Эй, выходи, не прячься, давай дружить!»

Он проникся искренней симпатией к этому огромному собрату, который так же, как и он, дышал воздухом и ползал по земле. Для Двенадцати Юаней он стал кем-то вроде старшего брата... ну, или очень-очень старого дедушки-Прародителя.

"Ты мне так нравишься! — думал малыш, переворачиваясь на песке. — И не потому, что ты — это ты, а я — это я. А потому, что среди этого безмолвного, вымершего мира наконец-то появился кто-то живой. Теперь в моей жизни будут не только заезженные, повторяющиеся изо дня в день диалоги госпожи Май, господина Май и Моники. Теперь у меня есть ты"

Прародитель молчал, глядя на копошащегося в песке малыша.

Этот первый контакт, окутанный нежным, почти осязаемым ароматом спелых персиков, заставил дрогнуть суровое сердце морского владыки. Он вдруг осознал, что привязанность и доверие — не исключительное право людей. Даже между столь непохожими существами может возникнуть чистая, лишённая корысти ментальная связь. Способность чувствовать тепло и радость от чужого присутствия объединяла их вопреки законам эволюции.

Древний исполин и новорождённая кроха потянулись друг к другу с первой секунды. Покорившись этому странному, но непреодолимому порыву, величавый и невероятно харизматичный Господин Май, Первый бог очарования Южного моря, впервые в жизни решил остаться на берегу ради кого-то другого. Он не стал закусывать упитанным розовым головастиком. Вместо этого могучий зверь, разменявший не одну сотню лет, уселся на влажный песок под звёздами и, отбросив всякую солидность, принялся дурачиться с трёхлетним мальком.

Двенадцать Юаней был только рад такому повороту.

Когда огромный чёрный коготь великана осторожно, едва касаясь, защекотал его круглое брюшко, кроха залился писклявым смехом и завертелся юлой. Двенадцать Юаней ростом был всего с ладонь, хрупкий и беззащитный, говорить толком не умел, но его жизнерадостность была ключом.

Нежно-розовые жабры, крошечные лапки и бархатистый хвостик были такими мягкими и приятными на ощупь, что Большой ползун совершенно потерял голову от умиления. Он продолжал аккуратно тыкать пальцем в Маленького ползуна, пока окончательно не защекотал бедного малька.

Со стороны это походило на трогательную возню отца с сыном. Сам Большой ползун искренне полагал, что его помыслы чисты и он просто наслаждается внезапным семейным теплом. Но в следующее мгновение зашедшийся от щекотки Маленький ползун издал такой пронзительный вопль, что вся родительская идиллия вмиг разлетелась вдребезги.

Дело в том, что за две недели упорных попыток освоить человеческую речь Двенадцать Юаней выучил всего три слова: «Муж», «госпожа Май» и «Моника». Поскольку два последних имени явно принадлежали женщинам, для существа мужского пола у него оставался единственный вариант.

Спасаясь от невыносимой щекотки, этот маленький розовый искуситель задействовал весь свой нехитрый лексикон и выпалил то единственное, что подходило его новому другу.

— Муж мой~ — пискнул Двенадцать Юаней.

Прародитель окаменел.

<http://bllate.org/book/19977/2028780>